Генерал Александр Павлович Кутепов

М М Зинкевич

SHOUT
SHARE
IT

- Зинкевич М М

Зинкевич М М
Генерал Александр Павлович Кутепов

Зинкевич М.М.

Генерал Александр Павлович Кутепов

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в дворянской семье Новгородской губернии.

Окончил не кадетский корпус, а классическую гимназию. Надо, однако, оговориться, что это обстоятельство являлось первым серьёзным огорчением для мальчика Кутепова, так как с раннего детства его уже потянуло к военной службе. Гимназия всё же не изменила его тяготений и симпатий, и он продолжал бегать смотреть на военные "учения" и часто заходил, и подолгу оставался в казармах. Родители боялись, что мальчик огрубеет от этого и наслушается в "казарме" вещей, для его возраста не подходящих, но этого не произошло. "Ничего плохого я никогда от солдат не слышал, - рассказывал потом Александр Павлович, - при мне они всегда были сдержаны и деликатны".

По окончании гимназии в 1901 году, родители уже не спорили: Александр Павлович поступил в петербургское Владимирское военное училище{1} и, окончив его в 1904 году фельдфебелем, несмотря на возможность широкого выбора полка, вступил в 85-й пехотный Выборгский Е.И.К.В. Императора Германского, Короля Прусского Вильгельма II полк, находившийся на фронте, и уехал на войну ("добровольчество" его началось давно).

Семья Александра Павловича была не военная, но традиционная. Провожая сына на войну, родители отслужили молебен, благословили, но, что удивило уезжавшего, это то, что отец ничего на прощание ему не сказал.

- Верно, крепится?! - подумал молодой офицер.

Но потом, надев мундир, чтобы ехать представляться начальству, Александр Павлович нашёл в кармане письмо от отца с теми наставлениями, которым сын остался верен навсегда. В нём коротко говорилось: "Будь всегда честным, не напрашивайся, но долг свой перед Отечеством исполни до конца".

Уже в ту, такую теперь далёкую от нас Русско-японскую войну, молодой подпоручик Кутепов сразу же выделился и выдвинулся своей храбростью, был ранен и получил ряд исключительно боевых отличий, ордена: Св. Анны 4-й степени,

Св. Станислава 3-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с мечами. Кроме того, в виде награды за выдающуюся доблесть, после войны, в 1906 году, подпоручик Кутепов был переведён Лейб-гвардии в Преображенский полк, с сохранением армейского старшинства. Такой переход в Гвардию, после всего уже испытанного и проделанного, естественно, имел уже другое значение и иначе ставил молодого офицера, чем возможное поступление в тот же полк прямо из училища.

В 1906 году, молодым ещё офицером, он был назначен на исключительно важную должность - заведующего учебной командой, на каковой находился до начала Великой войны.

Заведующий учебной командой был исключительно строг и взыскателен. Он по долгу, упорно и настойчиво, помногу раз объяснял и растолковывал, никогда во время объяснения не раздражаясь, не взыскивая. Но, убедившись и признав, что человек знает, и что поэтому с него уже можно требовать, заранее его об этом предупредив, он был беспощаден: малейшая оплошность, самая мелкая неточность вызывала наказание, полагающееся по уставу, без какого-либо оскорбления словом, а тем более действием, но зато и без отмены наложенного взыскания. Для вольноопределяющихся разницы не делалось. Результаты всегда сказывались быстро: учебная команда или рота, которой командовал Кутепов, становилась образцовой.

В Галлиполи, а потом и в Болгарии, делясь своими воспоминаниями, генерал Кутепов особенно охотно вспоминал время, проведённое в учебной команде, утверждая, что опыт, полученный им тогда, пригодился ему неоднократно в течение последующей жизни. Так, он говорил, что когда наши части высадились в Галлиполи в таком отчаянном положении, что можно было ожидать самого худшего от людей, доведённых до отчаяния, то он решил применить режим учебной команды.

- Не правда ли, хорошо получилось? - спросил он своего собеседника.

Рассказывая о Л.-гв. Преображенском полку, он говорил, что солдаты учебной команды, как переменного, так и постоянного состава, приучились к тому, что, сделав какое-нибудь упущение по службе, сами являлись начальнику и докладывали, что на них надлежит наложить взыскание. При этом они знали, какое взыскание полагается, ибо существовала известная шкала, в зависимости от повторения и важности проступков.

Однако дело не ограничивалось только воинским воспитанием и обучением, то есть, требованием должного. Были и другие связи в отношении с солдатами. По воскресеньям и праздникам, когда офицеры старались забыть о будничных

занятиях, заведующий учебной командой брал своих солдат и шёл с ними в музеи или картинные галереи.

Началась Великая Война. Штабс-капитан Кутепов по должности начальника учебной команды должен был остаться в Петрограде в запасном батальоне, но по его просьбе был отправлен с полком на фронт.

Характерно, что некоторые офицеры, знавшие о том суровом режиме, который устанавливал у себя всегда штабс-капитан Кутепов, говорили, что ему несдобровать, что он погибнет от своей же пули. Но солдаты-преображенцы, очевидно, иначе оценивали своего офицера, а он их лучше знал. Не один раз Александр Павлович мог в этом убедиться. Во время одной атаки он был тяжело ранен; неприятельские цепи были близко. Не будучи в состоянии подняться, Александр Павлович уже потянулся за револьвером, но к нему подползли его солдаты, тоже раненые, и вынесли его на руках. Другой раз, во время очень тяжёлого боя, Александр Павлович видит, что солдаты в одиночку подбегают к нему как раз в то место, где был сосредоточен сильнейший огонь противника.

- Тебе что?

- Поглядеть, живы ли Вы, Ваше Высокоблагородие!

В Л.-гв. Преображенском полку А.П. Кутепов провёл всю войну, последовательно командуя в нём: сперва четвертой ротой, затем ротой Его Величества, затем вторым батальоном и, наконец, полком. Великая война, как и Русско-японская, представляла для него беспрерывную цепь ранений, боевых подвигов и соответствующей их оценки. Он был трижды ранен: в боях под Люблиным, под Ломжей и под Холмом. И был удостоен: за успешную и по собственной инициативе проведённую контратаку против наступающего неприятеля в бою 27 июля 1915 года у деревни Петрилово - Орденом Св. Георгия 4-й степени; за взятие неприятельской позиции 8 сентября 1916 года у леса Свинюхи (близь Стохода) и удержание её, несмотря на превосходные силы противника Георгиевским Оружием и производством в полковники; и, наконец, за исключительный по своему значению и по той роли, которую сыграли неразложившиеся гвардейские полки Петровской бригады, кровавый штыковой бой у деревни Мшаны, во время Тарнопольского прорыва 7 июля 1917 года{2} - был представлен к ордену Св. Георгия 3-й степени{3}. Этот замечательный бой был одним из последних всплесков былой доблести и героизма Русской Армии.

Всеми силами поддерживая дисциплину и порядок, каждый день постепенно падавшими с падением всей России, полковник

Кутепов оставался на фронте до декабря 1917 года. Замечательно, что и в той обстановке отношение солдат-преображенцев к своему командиру, который никогда не уклонялся сам от того, что он требовал ради Родины и для неё от них, не изменилось. И характерно, что после вышеупомянутого боя, проходя мимо командира, в ответ на его благодарность, они отвечали ему по-старому:

- Рады стараться, Ваше Высокоблагородие.

Очевидно, доблестный бой вызвал у них ассоциации, воспоминания о прежнем обращении...

В декабре 1917 года, желая сохранить честь старейшего русского полка, позаботившись о сохранении его знамени, последний командир Гвардии Преображенского полка собственным приказом расформировал свой полк и с группой своих офицеров уехал на Дон, куда тянулись тогда со всей России "странные люди", которым мало оказалось трёх лет войны.

Началась новая трёхлетняя эпопея, в которой генерал Кутепов проявил себя до конца, крепко спаяв себя со всеми своими сторонниками и боевыми товарищами теми незримыми узами, которые не разорвёт никакое время.

Этот период нам всем памятен. От командира третьей роты Офицерского полка через командование Корниловским полком, Добровольческим корпусом до Командующего армией. Всегда в бою (кроме короткого времени пребывания в должности Военного губернатора Черноморской области, в конце 1918 года, каковое он опять-таки любил вспоминать, как давшее ему большой опыт и расширившее его горизонт), всегда пример для других, требовательный к себе и другим, он не только вёл свои части к победам, но и среди населения снискал к себе и к нашей армии доверие, пресекая самыми жёсткими мерами самое малейшее самоуправство и насилие. Надо ли перечислять все подвиги генерала Кутепова в этот период? Невозможно, да и не стоит. Галлиполийцы всё это помнят.

В течение трёх лет, с конца 1917 и по ноябрь 1920 года, на наших глазах полковник Кутепов вырос в незаурядного начальника крупных войсковых соединений и администратора.

Ноябрь 1920 года - это месяц в истории антибольшевицкой борьбы чрезвычайно важный, значение которого, быть может, ещё не осознано вполне нами самими: в этот месяц решились и определились многие дальнейшие пути русского Зарубежья. "Россия на кораблях" могла "высадиться" на "разных берегах". Как расплавленная и ещё жидкая лава, стекая и застывая, принимает очертания тех форм, которые она встречает на своём пути, так и Белая Армия, ещё горячая и расплавленная от последних боёв,

духовно расплавленная, могла, застыв, затвердеть и отлиться в разные формы, в зависимости от того, куда и как она будет влита. Но уже "бездушная природа", не случайные очертания исторических скатов, а напряжённая патриотическая воля спасшего Армию Главнокомандующего дала ей эту форму. Его воля и крепкие руки исполнителя и "главного мастера" - генерала Кутепова, отлили её не в беженскую, а в армейскую форму в том месте, которое после этого стало известно не только, как место неудачи союзников, но и огромного успеха русских, место, которое с тех пор, уже как нарицательное, стало известно каждому за рубежом. Эта горячая русская лава вылилась не на распутных базарах Константинополя, а на пустынном берегу Галлиполи, и затвердела там в железных формах Русской Армии Зарубежом.

Август - декабрь 1921 года - переезд корпуса с его командиром в Болгарию, затем высылка генерала Кутепова, вызванная давлением большевиков. Переезд в Сербию, а оттуда по вызову Великого Князя Николая Николаевича в Париж для работы специального назначения.

Эту работу другой доблестный генерал, Фёдор Фёдорович Абрамов, назвал "работой по связи с Россией". О ней знают лишь немногие посвящённые, кое-что осталось и до сих пор тайной. Насколько эта работа была вредна для советской власти, свидетельствует и похищение генерала, и то, что большевиками писалось в их прессе и в отдельных книгах{4}. Большевики утверждали, что генерал Кутепов стоит во главе самой активной "контрреволюционной организации, находящейся в связи с внутри-российскими организациями". Этой организации они приписывали ряд боевых действий в подсоветской России. Многие герои, павшие в течение 1928 - 1929 годов в борьбе с большевистским игом (М.В. Захарченко, Г.Н. Радкович, А.Б. Болмасов, А.А. Сольский, Ю.С. Петерс, С.В. Соловьёв и др.), были представителями "кутеповской организации".

После смерти генерала, барона П.Н. Врангеля и Великого Князя Николая Николаевича генерал Кутепов стал во главе Русского Обще-Воинского Союза. Это возглавление отнюдь не прекратило, однако, той работы, о которой говорилось выше. У генерала Кутепова было свойство чисто практического ума: он всегда умел отличать главное от второстепенного и ясно ставить задачи. Поставив себе задачу, он с необычайными настойчивостью и самоотвержением шёл к её разрешению.

Уже в 1923 году он говорил, что в будущем в России надо делать ставку на крестьянство. В 1927 году он ясно сознавал и говорил, что всё решится там - в России, на нас же лежит

огромная работа по подрыву советской власти и не за границей, а в СССР, и что в этом отношении мы имеем громадные возможности и отличный кадр работников.

"Настанет время, когда я смогу рассказать о тех героях, что идут туда. Много я видел подвигов русских офицеров, но это ничто, в сравнении с тем, что делают эти люди теперь. Если бы я мог передать их прощальные письма, или письма оттуда - в обстановке крайней опасности! Это святые люди", - так говорил Кутепов тоном необычайной нежности и благоговения. На предложения добровольцев, изъявивших готовность идти на задание в СССР, он отвечал, что у него есть избыток желающих...

К 1929 году генерал Кутепов окончательно определил всю важность работы по оказанию помощи русскому народу в том, чтобы взорвать советскую власть изнутри. 26 января 1930 года его от нас отняли... Но не отняли его дело. Больше того, усилили в нас сознание важности его, усилили и ненависть к поработителям русского народа, прибавив и чувство неотомщённости за нашего Кутепова. В день 26 января это чувство особенно обостряется. Перед нашим духовным взором встаёт он, опять и опять слышатся его слова: "Кровью русского офицера и солдата создавалась мощь и величие России. И теперь она воссоздастся русским офицером и солдатом...

... Многое Родина простит нам, бездействие же - никогда!..

... Борьба приобрела новые формы. Сохраняйте же наши полки, они должны создать такое настроение в эмиграции, чтобы выделялись Конради и Коверды, Захарченко и Радковичи..."

.....

{1}В то время оно именовалось Санкт-Петебургским пехотным юнкерским училищем (прим. ред.)

{2}Замечательное описание того боя см. в статье полковника Ю. Зубова "Часовой", NoNo 13 - 14 (прим. авт.)

{3}Этой награды Кутепов так и не получил, что, вероятно, связано с революционными событиями (прим. ред.)

{4}Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928 (прим. авт.)